

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

ИРИНА РЯБИЙ

* * *

Змеиный шипящий язык —
Ты снова плетешь свои шашни.
Все день вспоминая вчерашний,
Ты близишь отмщения миг.

И оком спесивым косишь
На солнце, встающее рано.
Славянское прошлое — рана,
Которую ты бередишь.

И Польша пщевати: враги
Все русские — варвары, звери!
И в это весь мир свято верит.
А больше не видит ни зги!

И вот твой летит самолет,
Чтоб точку поставить в раздоре,
Но общее русское горе
Унизить Господь не даёт...

ПАВЕЛ ЧЕРКАШИН

* * *

Тихий погост. За оградю кони
Мирно пасутся. За просекой лес.
Здесь моя родина, здесь мои корни,
Дедова мать похоронена здесь.

Лет уж немало смолистые кедры
Старой могилке даруют покой.
Не потому ли недобрые ветры
Место сие обошли стороной.

Внуки да правнуки — жизнь разметала —
На ноги встали вдали от гнезда.
Часто дорогу пургой заметало
В город, куда не идут поезда.

Только как прежде, влекомые зовом
Родины дальней, срываются с мест,
Чтобы о детстве обмолвиться словом
И помолиться на маленький крест.

* * *

Она была, была деревня —
Полсотни изб, Николы храм...
Теперь стеной стоят деревья
По шумным некогда дворам.
Людьми забытого погоста
За чернобыльем не сыскать.
Отсохла память, как короста,
И время здесь не врач, а тать,
Разор творящий так неспешно...
Грустит безмолвная заря,
И плачет ангел безутешно,
Присев на остов алтаря.

ВАЛЕРИЙ ЛЕВЧЕНКО

* * *

Мне бы тысячу лет,
чтобы всем всё сказать и воздать,
разделить этот хлеб
между всеми, уставшими ждать.

Пусть не тысячу, нет,
пусть не щедро отмеренный срок —
лишь задержится свет,
чтоб итог не был горестно строг.

Я б свершил этот труд,
накопившийся долг одолел, —
пусть ещё подождут,
не заступят однажды предел.

Всё верну, но они,
перед кем я полжизни в долгу,
и последние дни
рассыпают, как медь на бегу.
А иные уже
остаются почти без гроша
на незримой меже,
за которой слабеет душа.

Я тянусь, чтоб успеть
до мгновения вечных разлук
пусть хоть жалкую медь
сунуть в пальцы негнущихся рук.

Мне бы лет хоть чуток.
чтобы всех наделить, удержать, —
кислорода глоток! —
тем, кому уже нечем дышать.

Мне подать бы хоть знак!
И шепнуть напоследок: прости...
опоздавший пятак
зажимая бессильно в горсти.

МАСТЕРСКАЯ

Рифмоплетений —
обрезки, обломки, опилки, огрызки и клочья,
спутанных строчек мотки, заготовки, болванки и прочие
странные вещи. Дымом сгоревших фантазий пропитаны стены,
бродят неясные тени — грядущие темы.

Тащится в дом, подбирается всякая дрянь неразобранной кучей:
сгодится для дела — наступит когда-нибудь случай;
струганных фраз штабеля... И словесная мелкая стружка
хрустит под ногами: “Эй. осторожней! Всё это будет мне нужно...”

Вповалку сырые, тяжёлые, прямо с мороза поленья —
на пол смолой истекают в тепле впечатленья.
И дух поднимается — крепкий, рабочий, смолистый...
Листы чертежей в желтизне, как забытые с осени листья,

сметаются враз с верстака — не хватает свободного места,
рубанок поёт, и звенит под ударом стамеска,
осколки забытых ошибок идут в переплавку и в дело:
в топку, в работу огня, — что сгодиться совсем не сумело.

...После прощания надо одежду вытряхивать долго,
иначе запавшая рифма потом по пути вдруг уколет иголкой.
И ночью уснуть не позволит, безбожно терзая бока,
под кожей застрявшая острой занозой строка.

* * *

Дом, покидаемый жильцами,
их суетой, их голосами,
пустой, свободный наконец —
сам как будто не жилец.

Так я стою полуживой,
от всех ушедших отдалённый,
давно никем не заселённый —
забытый в доме домовый.

Явь перепутавший со сном,
живу в доме почти бездомным,
как будто сторожем недрёмным
оставлен был в себе самом.

Напоминаям бродит эхо
о тех, кто был, ушёл, уехал...
Остался речи тихий звук,
следы их ног, тепло их рук.

Ещё осталось их дыханье,
и чья-то тень ещё видна.
Ещё качается в стакане
глоток прощального вина.

Я будто сам остался с теми,
чья голоса со всех сторон,
чья задержавшиеся тени
ещё теснятся за столом.

Звучат обрывки давних песен,
звонит отпевшая струна,
и лет невидимая плесень
ещё не тронула вина...